чай, сказанное — интересно, значительно и нужно.

Я не знаю, можно ли поставить «Анатему» на какой-нибудь другой сцене, кроме Художественного театра, боясь риска провалиться, хотя я знаю, что въ этомъ случаѣ виновать будетъ театръ, а не авторъ.

Уже изъ этого видно, что къ пьесѣ я отношусь положительно, считаю ее большой и талантливой пьесой, но нельзя высказываться болѣе опредѣленно какъ прочтя, если вообще можно высказывать какія-либо критическія сужденія, не оговариваясь каждый разъ, что все это—глубоко субъективно.

Авторы и артисты любятъ торжествовать, лишь критикамъ на разнообразнѣйшій, которыя среди нихъ происходитъ. Грѣшитъ, между прочимъ, этимъ и авторъ «Анатемы», но развѣ можетъ быть иначе? На-днях. въ одномъ день, полномъ отзывъ о «Конѣ блѣдномъ», Д. С. Мережковскій въ Петербургѣ пишетъ, что послѣ Льва Толстого и Достоевскаго, это—самая русская книга. а Л. Н. Андреевъ въ Москвѣ говоритъ: «Конь блѣдный» Решина—вещь, отъ которой пахнетъ гнилью, какъ отъ хорошаго сыра! Вещь и не художественная, и жестоко непріятная, и въ цѣломъ дикая оскорбительная».

Вотъ вы и подите съ критиками! Поэтому буду не критиковать, а высказывать свои впечатлѣнія. Впечатлѣнія эти при чрезвычайно.

Открывая занавѣсъ, и почуть нами—фантастическая, полная настроенія картина.

Вверху — тьма и скалы, внизу — что-то золотое, сверкающее, заключенное въ рамы, напоминающее отдаленно какія-то святыни, какія-то иконостасы, царскія врата.

А между этою нижней тьмой и верхними святости стоитъ, огромно разлившаяся и занявшая весь центръ, «Нѣкто, хранящій завѣтъ». Онъ словно сросся съ окружающими его скалами, и гнилыми кажутся широкія складки его одежды, и не видно лица его, лишь блеститъ строгимъ и тихимъ мѣтъ, на который опасся онъ, в гигантскіе крылья его закрываютъ путь къ свѣтозарное царство.

Онъ навечно. А внизу, какъ пресмыкающіяся черви, ползаетъ Анатема, страстно жаждущій проникнуть въ міровую тайну, познать истину. Те настаиваютъ, то требуя, то проклиная, стремятся: проникнуть онъ туда, гдѣ хранится завѣтъ. Онъ полонъ нечеловѣческой жаждой, и онъ стыдится онъ своей жажды и хочетъ убѣдить себя и его,—да, и его,—что онъ является только холоднымъ наблюдателемъ творящагося на свѣтѣ.

Это не человѣкъ. Не человѣкъ у автора, не человѣкъ и у В. И. Качалова. То-есть, не то, что это артистъ, загримированный длинномъ,—нѣтъ, это поистину не человѣкъ. Это крупнѣе человѣка, страннѣе и, въ первой картинѣ, ничтожнѣе человѣка. Это—червякъ, подавшій на бритвѣ. Онъ, вѣроятно, не подчиненъ земнымъ законамъ, напримѣръ, закону притяженія земли: такъ ловко, неслышно ползаетъ онъ по скаламъ, понимаясь по нимъ, словно злым испаренія земли. Сцена полна захватывающей силы. Очарованіе нѣсколько умаляется, когда начинаетъ говорить Хранящій завѣтъ: прекрасный голосъ у Н. А. Знаменскаго. Но никакой человѣческій голосъ не можетъ хоть сколько-нибудь подходить къ нечеловѣческой фигурѣ, изъ которой онъ исходитъ. Тутъ надобно какъ-нибудь суммировать человѣческій голосъ.

Не принимаетъ Анатема міра, не видитъ гармоніи его. И хочетъ самъ онъ произвести свой опытъ, и избираетъ для этого никому неизвѣстнаго, стараго, больного сирѣя Давида Лейзера, лучшаго изъ людей, чтобы бросить его жизнь къ нему, какъ тяжкое обвиненіе.

Изъ фантастическаго міра мы переселяемся въ самую сердцевину дѣйствительности. У заставы южнаго города пріютилось нѣсколько еврейскихъ, греческихъ и русскихъ кабачковъ. Тутъ продаютъ содовую воду, боярскій квасъ, еще что-то въ тонъ же родѣ. Продавцы, покупателей нѣтъ, и люди настрадались отъ голода. Апостолъ нищеты. Въ это голодное царство явился Анатема. Явился какъ будто бы въ человѣческомъ видѣ, въ сюртукѣ, съ портфелемъ въ рукахъ, но если въ первой картинѣ еще можно было заподозрѣть въ Качаловѣ человѣка, то здѣсь уже очевидно, что такими люди не бываютъ. Эти шаги существа, которое привыкло ползать; эти черныя, на которыхъ нѣтъ рогозъ, но они чувствуются; лицо, въ которомъ нѣтъ ни кровинки, въ которомъ тѣмъ много ума, не ума человѣческаго; сжатъ, болѣе каменнѣющій лбъ, нежели сжатъ; движенія, которыя точно хотятъ стать человѣческими—и не могутъ...

Я не учитъ подыскивать выраженія, чтобы опредѣлить все это; кто подыскалъ одинъ сказалъ:

— Какое полное отсутствіе гармоніи...

Вотъ, вотъ оно, оно! Полное отсутствіе гармоніи, одна полная сплошная фальшь, передаваемая артистомъ съ геніальной вѣрностью той сложной мелодіи, которую онъ создалъ. Видь, нѣтъ задачи труднѣе, чѣмъ не фальшива, сказать фальшь, пѣвать фальшь.

Все странно въ томъ голодномъ мірѣ, куда пришелъ Анатема, и когда голодный хронометръ мумыкать выдавлетъ изъ своей голодной полосатой шарманки ужасные звуки, — сатанинской насмѣшкой надъ міродѣтелемъ звучатъ слова Анатемы:

— Вотъ она, міровая гармонія!

Да, вотъ она, міровая гармонія! Анатема принесъ старому бѣдному Давиду Лейзеру четыре милліона рублей, чтобы доставшимся ему отъ разбогатѣвшаго въ Америкѣ брата. Я научитъ его подѣлиться деньгами съ бѣдняками.

Начался опытъ.

Давидъ поспѣлъ всѣхъ бѣдняковъ, между всѣми раздѣлилъ онъ свое богатство,—и сталъ ли отъ того счастливѣе хоть кто-нибудь?

Не воскресли умершіе когда-то съ голоду дѣти Лейзера, а живые—одинъ, больной, все-таки умеръ, а другая, красавица-дочь, видя, что отецъ раздаетъ богатства, къ нетерпѣливымъ ушла. Лейзеръ не насытилъ голодныхъ только розницы изъ ихъ надежды, посѣлилъ вѣру въ возможность чуда, а чуда на мѣстѣ и не хотѣлъ дать, потому что нѣтъ чуда. Чѣмъ больше добра дѣлалъ Лейзеръ, тѣмъ съ большей жаждой устремлялся къ нему народъ, со всѣхъ земель, и просилъ объ исцѣленіи, о воскрешеніи, о счастьѣ.

А чуда нѣтъ!

И гнѣвомъ обрушились на стараго Лейзера великія упоминанія, и народъ, преклонившійся передъ нимъ, выставилъ его бѣжать, и пастырь въ пустынѣ, и побилъ камнями.

И пришелъ снова къ Хранителю завѣтовъ Анатема и потребовалъ у него отчета:

— За что погибъ Давидъ Лейзеръ? Гдѣ истина? Не на рвѣ ли съ падали?

И не удовлетворился отвѣтомъ, и остался отвергающимъ міръ, наставшимъ и людей отвергать его.

Вотъ голый остовъ фабулы. Къ ней надо будетъ вернуться, когда выйдетъ книжка. Мы считаемъ великой ошибкой сокращать пьесу до тѣхъ поръ, пока она будетъ показана. Это значитъ заставлять смотрѣть на имѣющихъ критерія, это значитъ бояться, что зритель, имѣющій, чего онъ можетъ ждать, останется неудовлетворенным. Мало душная баня.

Итакъ, о пьесѣ больше ничего; только объ исполненіи.

Качалов такъ и остался на протяженіи всей пьесы исполненнымъ достоинства. И что бы на сценѣ ни происходило, какой бы монологъ ни выбрасывалъ мы наружу,— всюдѣ надо было смотрѣть на Качалова, чтобы ничего не пропустить.

— Страдаетъ или радуется Лейзеръ,— «смотри на Качалова»,—говоритъ имѣ мой сосѣдъ, и надо смотрѣть на Качалова, потому что тутъ каждый взглядъ, каждый поворотъ создаетъ необычайное.

Наслаждаетъ Рова, умиляется Сура, тайнствуетъ Пауръ, восхищается или побѣждаетъ какимъ нарядъ,—смотри на Качалова, потому что Качаловъ былъ одержимъ дьявольской силой и не игралъ, а какъ бѣсъ мучилъ и мучалъ насъ.

Откуда такая сила? Откуда такой талантъ? Такой голосъ, въ которомъ тысячи интонацій, и ни одной фальшивой, даже тамъ, гдѣ воспроизводится величайшая фальшь?

Лице и руки на фонѣ деревяннаго киоска: мертвая голова, сдавленная какой-то, которая поражаетъ въ началѣ пятой картины,—этого не разсказываешь...

Это надо смотрѣть, вѣдать и радоваться. Надо гордиться такимъ артистомъ.

И вся постановка была прекрасна, съ цвѣтомъ нищеты, съ настоящею горькой мраморного пальмо, съ его внутренностью, съ пустыней, гдѣ первый утренній лучъ сверкнетъ каменную стѣну...

Я былъ еще одинъ удивительный, не имѣющій себѣ равнаго по смѣлости, шагъ: это—пляска прокаженныхъ Лейзера; одна мистическая черточка отдѣляла ее отъ комическаго, отъ вульгарнаго, но, отдѣленная этою чертой, она являлась чудовищнымъ кошмаромъ, давящимъ, душащимъ, новою сатанинскою издѣвкой надъ гармоніей міра.

Я не буду, имѣ не хочется говорить отдѣльно объ игрѣ исполнителей. Очень хороши были и Сура—Н. С. Бутковъ, и Роза—М. П. Германова, и Наумъ—А. Ѳ. Горевъ, очень хороши были всѣ. Самыя крупныя роли, какъ, напримѣръ, учителя танцевъ (В. В. Тесавировскій), взяли себѣ великолѣпнымъ исполнителей, и, тѣмъ болѣе, странно и непонятно, что главную роль, Лейзера, театръ поручилъ А. Л. Вишневскому.

Пускай А. Л. Вишневскій—прекрасный артистъ, пускай онъ часъ отъ часу талантливѣе, но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, выжость такъ, которыя позволили бы ему браться за подобную роль?

Вѣдь, Давидъ Лейзеръ, это—одержимый человѣкъ, который могъ бы отправить собою міръ. Надо имѣть особую организацію, чтобы держать играть его. Постоять и молитвою надо приготовить себя къ ней, какъ постомъ и молитвою подготовляли себя къ подвигу богоотмѣтанства.

А. Л. Вишневскій сдѣлалъ роль очень хорошо, онъ имѣлъ не сбивчивый, но и не на одну секунду не прозвучала сомнѣнія, вмѣшивающаяся надъ міромъ человѣческая душа.

А вѣдь этого,—направленныя всѣ перспективы пьесы.

Впрочемъ, г. Качаловъ и вся прекрасная постановка сдѣлали то, что все-таки это былъ праздникъ искусства.

Праздникъ былъ шумнымъ доказательствомъ этого, безъ лицемѣрія. Что понятно: вѣдь, впечатлѣніе не только огромно, оно и тяжело. Со страшною силой бросили насъ въ область кошмара,—до радостныхъ ли тутъ впечатлѣній?..

Впрочемъ, такою впечатлѣнію публики было только на генеральной репетиціи: вчера настроеніе публики было иное: «блондины были холодно равнодушны, а брюнеты—враждебно настроены».

Публика, наполняющая средними мѣстами исполненія, сознано обидѣлась, что ей подносятъ нѣчто большое, сложное, глубокое, чего сразу, пожалуй, и не раскусишь.

Послѣ шестой картины, послѣ нѣчто далеко не самаго лучшаго, но зато наиболѣе блестящаго, эта публика встрепенулась и стала, не очень дружно, вызывать автора, а когда онъ появился, принялся за восторгъ... не отъ пьесы, а отъ лицемѣрія Л. Н. Андреева, и аплодисменты удесятерились.

Пускай не придаетъ авторъ имъ цѣны, точно такъ же, какъ пусть не сѣтуетъ на холодность: это отъ того, что онъ написалъ не обыкновенную, глубокую вещь; за это и [illegible] мнѣніе.

СЕРГѢЙ ЯБЛОНОВСКІЙ.

Напечатано

Запрещеніе „Анатэмы" и Художественный театръ.

Офиціальное увѣдомленіе о запретѣ на „Анатэму" получилось въ Художественномъ театрѣ вчера—въ видѣ бумаги отъ градоначальника съ сообщеніемъ, что по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ пьеса Леонида Андреева „Анатэма" къ представленію впредь не допускается.

Поэтому, вмѣсто назначенной на сегодня „Анатэмы", идетъ „Дядя Ваня".

Въ Художественномъ театрѣ подавленное настроеніе,—запрещеніе „Анатэмы" явилось полной неожиданностью.

Когда не такъ давно появились упорные слухи, что „Анатэмѣ" грозитъ запретъ, Вл. Ив. Немировичъ-Данченко ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы сдѣлать что-либо къ предотвращенію бѣды. Это ему удалось. По крайней мѣрѣ, Вл. Ив. Немировичъ-Данченко вернулся въ Москву успокоенный, съ сознаніемъ, что „Анатэма" внѣ опасности. И поэтому теперь всѣ въ дирекціи растерялись.

Запрещеніе „Анатэмы" нанесло театру громадный ущербъ. Не говоря уже о художественной старонѣ,—и матеріально театръ сильно пострадаетъ.

Погибнетъ вся громадная работа, затраченная на постановку; погибнутъ декораціи, костюмы, аксессуары. Оказутся безъ дѣла хоръ и оркестръ сорганизованные спеціально для „Анатэмы".

Въ общемъ, по приблизительному подсчету, матеріальный убытокъ отъ запрещенія выразится тысячами въ двадцати.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ репертуарѣ образовались прорывы, которые необходимо заполнить. Хотятъ ускорить постановку „На великаго мудреца довольно простоты",—репетиціи пойдутъ усиленнымъ темпомъ. Намѣчается къ возобновленію „На днѣ" и, можетъ-быть, „Брандтъ".

Вчера, вечеромъ, правленіе театра въ лицѣ К. С. Станиславскаго, Вл. Ив. Немировича-Данченко, А. Л. Вишневскаго, И. М. Москвина, А. А. Стаховича и г. Румянцева собралось для совѣщанія по вопросу—какъ выйти изъ создавшагося положенія и выяснить детали дальнѣйшаго репертуара.